

Кроме того, Б. Айситт обуславливает причины отправки канадского контингента назад в Канаду только соответствующим решением правительства Р.Л. Бордена, хотя очевидно, что в первую очередь это было связано с полным провалом ранее запланированной миссии в России.

Несмотря на высказанные замечания, рецензируемая книга интересна и

познавательна. Отрадно, что Б. Айситт, понимая важность представления для российского читателя канадского взгляда на короткий, но весьма насыщенный период в истории Страны Советов, любезно согласился опубликовать свою работу на русском языке.

И.А. Соков

К.Г. Боленко. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2013. 528 с.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное, обобщающее исследование, потребность в котором ощущалась давно. Ведь тема возникновения, функционирования и эволюции высшего судебного органа по делам о государственных преступлениях напрямую связана не только с общей проблемой самодержавия как политической системы, но и с конкретными вопросами об адаптации к условиям России концепции «законной монархии» и соотношении политической, юридической и социальной составляющих в процессе институционализации суда.

Стремление автора дать целостное представление о Верховном уголовном суде, выявить его место в механизме авторитарного правления потребовало рассмотрения данного феномена на нескольких уровнях – юридической и политической мысли, правосознания, а также действующего законодательства и правовой практики. Поэтому вполне логично включение в аналитическо-компаративный ряд преобразовательных проектов по созданию Верховного уголовного суда высших судебных процессов 1764, 1771, 1774–1775, 1826, 1832–1834, 1849 гг. и оценок современниками данного института.

Всё это придаёт монографии новаторский характер. До последнего времени история Верховного уголовного суда не являлась темой отдельного монографического исследования. Статья Н.М. Корневой об этом осталась неопубликованной и не вошла в широкий научный оборот¹, литература о Верховном уголовном суде ограничивалась небольшими статьями

в справочных и энциклопедических изданиях, посвящённых российской государственности. В обобщающих трудах и учебных пособиях по истории российского государства и права Верховный уголовный суд или совсем не упоминался, или изучался фрагментарно, главным образом в связи с судебным процессом 1826 г.² Его изучение методологически базировалось на «декабристской версии»³, причём сами декабристоведы долгое время видели в нём только отражение репрессивной политики самодержавия, а не государственно-правовой институт, рассматривали следствие и суд над членами «Тайного общества» как единый процесс (с. 26–27). Лишь в начале XXI в. появились работы, свидетельствующие о том, что пришло время их раздельного рассмотрения как государственных учреждений⁴. Тогда же были опубликованы труды правоведов, которые начали разработку данного круга вопросов⁵. К.Г. Боленко совершенно справедливо связывает эти явления с «политической ангажированностью темы», канонизацией ряда идей, в первую очередь идеи расправы, а также методологическим застоём (с. 42, 43). Более того, автор, которому пришлось идти почти по целине, ставит вопрос о необходимости обновления методологического аппарата при целостном анализе Верховного уголовного суда (с. 36, 49). Вслед за ним необходимо отдать себе отчёт в том, что историографическая традиция судебного процесса по делу декабристов, основанная на концепции расправы, исчерпала себя. Наблюдаемый же сегодня научный и

общественный интерес к дореволюционной системе власти требует рассмотрения Верховного уголовного суда как института в рамках истории государственных учреждений и правосудия в Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. В книге К.Г. Боленко впервые в историографии Верховный уголовный суд стал объектом специального изучения как государственно-правовой орган, при анализе которого соединены историко-юридический и историко-политический методы, институциональный и функциональный подходы.

Новаторский характер монографии находит отражение прежде всего в том, что автор расширяет тему исследования – «от системы судебных учреждений до системы правосудия и политической системы в целом» (с. 11). Это вполне логично, поскольку Верховный уголовный суд определяется автором составной частью не только судебной, но и политической системы, частью, вобравшей в себя все особенности структуры самодержавной власти. Подобный подход обусловил масштабную цель работы – реконструировать историю складывания, законодательного оформления и функционирования суда «как составной части судебной и политической системы Российской империи», определить его место в юридической и политической мысли, правовой практике (с. 14). Это потребовало значительного расширения хронологических рамок с начала XVIII в. по 1880-е гг. и использования «междисциплинарного синтеза». Книга находится на стыке историко-политического, историко-юридического и историко-социологического исследования.

Автор подошёл к теме Верховного уголовного суда в тесной связи с проблемой верховной судебной власти, законодательных основ её обеспечения и организационных механизмов действия, попытался рассмотреть суд как важный элемент реализуемых в различные эпохи «сценариев власти». К.Г. Боленко отошёл как от общепринятой периодизации существования Верховного уголовного суда в Российской империи, так и от стереотипов сложившейся историографической традиции. Это обусловило важнейшее достоинство монографии, которая пред-

ставляет собой исследование не только по истории отдельного государственного учреждения, но и по политической истории России конца XVIII – начала XIX в. в целом.

Для достижения поставленной перед собой научной цели автор впервые сформулировал и решил ряд важных задач: проследил эволюцию самого термина «Верховный уголовный суд» в соотношении с развитием судебной системы и правосознания, проанализировал практику проведения высших судебных процессов по государственным преступлениям в XVIII в., выявил истоки концепции Верховного уголовного суда и его аналоги в конституционных проектах России первой четверти XIX в., реконструировал процесс формирования представлений Николая I о модели следствия и суда над декабристами, уточнил роль М.М. Сперанского в подготовке и проведении суда 1826 г., продемонстрировал влияние петербургского процесса на институционализацию Верховного уголовного суда и его историографию, изучил основные тенденции общественного мнения по отношению к судебным решениям по делу декабристов, определил место Верховного уголовного суда как государственно-правового института в реформаторских проектах, законодательстве и правовой практике второй четверти XIX в. Разнообразие и широта поставленных задач позволили автору представить историю чрезвычайного и редко созывавшегося Верховного уголовного суда не как дискретную цепочку высших судебных процессов, а как непрерывный процесс сначала долгой институционализации, затем – организационной эволюции.

К.Г. Боленко выявил, собрал и обработал массу печатных источников по истории Верховного уголовного суда: законодательные акты и законопроекты, мемуары и переписку. Книга хорошо оснащена библиографической информацией, широко привлечены справочно-энциклопедические материалы и юридическая литература XVIII–XIX вв.

Структура монографии чётко продумана и логична. В первой главе рассмотрены особенности судебной системы и правосознания в Российской империи в

конце XVIII – начале XIX в., а также предпосылки создания Верховного уголовного суда, которые автор справедливо видит в проектах Екатерины II 1780–1790 гг. по организации Верховного уголовного и Генерального судов и реформаторских проектах М.М. Сперанского. К.Г. Боленко убедительно показал, что идея учреждения верховного судебного органа по делам о высших должностных и государственных преступлениях являлась одной из наиболее важных как для российских монархов, так и для представителей управленческой элиты. Её актуализация была обусловлена распространением в русском обществе концепции «законной монархии», планами Екатерины II, а затем Александра I реформировать не только систему правосудия в России, но и в целом структуру государственной власти. Поэтому неудивительно, что в записке А.А. Безбородко 1799 г. судебные prerogatives монарха подвергаются некоторому ограничению⁶. В проекте же «Государственной Уставной грамоты Российской империи», разработанном под руководством Н.Н. Новосильцова, предполагалось создание отдельного общего уголовного судопроизводства по государственным преступлениям на общегосударственном и наместническом уровне, прежде всего Государственного верховного суда, а также приемлемых для России форм судебной министерской ответственности⁷.

Как известно, всё это осталось лишь на бумаге. В реальной же управленческой практике необходимость профилактики высших должностных и государственных преступлений создавала условия для сохранения негласного судебного механизма и использования военных судов, побеждала традиция, как верно отмечает автор, «внесудебных или квазисудебных репрессий» (с. 180). В связи с проведённым К.Г. Боленко разграничением идеологических и практических установок в политической концепции Александра I уместно заметить, что во многом это было связано с представлениями императора и его ближайшего окружения об отсталости России. Представители правящей элиты полагали, что на данном историческом этапе в стране не сформировались ещё необходимые социально-политические

и экономические предпосылки для проведения не только фундаментальной политико-правовой реформы, но и являвшихся её составной частью преобразований в системе российского правосудия, прежде всего утверждения гласного судопроизводства и создания Верховного уголовного суда общей юрисдикции. Это заставляло адаптировать либерально-просветительские идеи и принципы к российской национальной специфике, проводить ненасильственную инкорпорацию населения окраин империи в российское культурное и юридическое пространство. Однако интеграционные процессы натывались на уникальность социокультурных и ментальных традиций, европейское правосознание жителей западных губерний, глубину их аболиционистских устремлений. Одним из ярких проявлений этого конфликта стало дело тайных обществ «Филоматов» и «Филаретов» в Виленском университете в 1823–1824 гг. (с. 180–181). Здесь следует подчеркнуть, что суровые приговоры по делу пропагандистской, но отнюдь не радикальной деятельности студентов, вынесенные не судебным органом, а особым секретным комитетом, репрессивные действия по отношению к литовско-польской молодёжи не оставляли имперской власти политического и социального пространства для реализации идеи инкорпорации, способствовали росту антиимперских настроений⁸.

Новизной и большой научной значимостью отличается тот раздел главы, в котором выявляется место Верховного уголовного суда в политическом мировоззрении и преобразовательных поисках М.М. Сперанского. Как показывает К.Г. Боленко, идеологической основой его концепции суда являлись либерально-просветительские принципы законности, разделения властей и социальной ответственности. Сама же концепция стала важнейшей составной частью не только проекта судебной реформы, согласно которой Сенат, соединяя в себе законовещательные и судебные функции, должен был стать «Верховным уголовным судом», но и широкой программы совершенствования всей государственной системы. В этой связи вполне убедительным представляется вывод автора, что положе-

ния «Плана Всеобщего государственного образования» 1809 г. и проектов преобразования Сената 1810–1811 гг., касающиеся суда, вкупе с высшими судебными процессами XVIII в., стали «основой Верховного уголовного суда 1826 года» (с. 147–151). Следует особо отметить, что именно в данной работе впервые продемонстрирована типологическая близость «конструкций» Верховного уголовного суда М.М. Сперанского с проектами Екатерины II и проектом «Государственной Уставной грамоты Российской империи», а также с европейскими судебными учреждениями конца XVIII – начала XIX в.

Масштабность цели исследования обусловила стремление К.Г. Боленко к рассмотрению проекта судебной реформы М.М. Сперанского в тесной связи с идеологией и практикой министерской реформы. Недостатки системы министерств, главным из которых было «министерское самовластие»⁹, и «конструкция» Верховного уголовного суда, разработанная реформатором, позволили автору справедливо предположить, что суд, по его замыслу, должен был стать одним из институтов, реализующих принцип судебной ответственности министров, а главное – важнейшим элементом «в выстраиваемой Сперанским системе равновесия всех ветвей власти», «выступать своеобразным символом этого желанного баланса» (с. 164–165). Кроме того, автор высказал ряд ценных соображений, касающихся тактики, которой придерживался М.М. Сперанский в достижении своего замысла. По его мнению, отказ Александра I в 1811 г. от реформы Сената, негативное отношение управленческой элиты к самому принципу судебной ответственности провинившихся министров лишь приостановили процесс постепенной институционализации Верховного уголовного суда и заставили М.М. Сперанского двигаться небольшими шагами. Стремясь к реализации своего проекта, в 1822 г. он в составленном им «Учреждении для управления сибирских губерний» ссылкой на «Общее учреждение министерств» распространил сферу деятельности ещё формально не учреждённого Верховного уголовного суда на сибирских генерал-губернаторов (с. 166).

Новый уровень исследовательских задач определил и свежесть интерпретации К.Г. Боленко одной из традиционных декабристоведческих тем – Верховного уголовного суда по делу декабристов. Данному сюжету посвящена вторая глава монографии, в которой в свете новых фактов и с опорой на широкий круг источников продемонстрирована связь петербургского процесса как с предшествующими высшими судебными процессами XVIII в., так и с концепцией Верховного уголовного суда М.М. Сперанского. Особое внимание уделено определению того места, которое занимал «суд 1826 года» как конкретно в системе наказаний декабристов, так и в целом в российской судебной практике по делам о государственных преступлениях в первой четверти XIX в. Реконструируя подготовку Верховного уголовного суда 1826 г., К.Г. Боленко стремился прежде всего выявить степень влияния на неё Николая I и определить значение его активного участия в судебном процессе. Автор справедливо пишет, что это «выводило ситуацию за рамки формальной законности», ставило сам суд в подчинённое положение и создавало условия для различных вариантов возможных решений участи декабристов (с. 195).

В данном контексте наиболее дискуссионным остаётся вопрос о сущности той роли, которую определил для себя император в следственном сценарии¹⁰, и мотивах формирования «модели персонального монаршего суда». Интереснее всего здесь проблема мотивации столь значительного и всестороннего вмешательства Николая I в следствие, которое очень скоро превратилось во всесторонний надзор и общее руководство. Объяснение этому автор находит в ситуации междоусобицы, характере и темпераменте молодого царя, вслед за Р.С. Уортманом¹¹ рассматривает эту роль в контексте модели идеального самодержца, связывает с важностью для Николая I продемонстрировать разочаровавшемуся в верховной власти обществу «деятельные меры по наведению порядка и готовность к разумным реформам» (с. 197).

Однако, на мой взгляд, мотивы активного участия императора в следствии

и суде не ограничивались его личными качествами, рамками «сценария власти» и необходимостью дискредитации «программы и модели действий заговорщиков», а включали также решение ряда политических задач. Необходимо было выявить социально-политические причины существования в России политического «Тайного общества», на последнем этапе своей истории ставшего в оппозицию власти, определить реальное положение дел в стране, найти эффективные инструменты, способные предотвратить в будущем перерастание общественной активности в антиправительственные действия. Помимо этого, активность императора отражала официально декларируемую тактику, направленную на искусственное уменьшение размеров «заговора» и «мятежа». Ведь в основу деятельности Следственной комиссии была положена идея Николая I о разделении всех «прикосновенных» к делу лиц на «злоумышленников» и «заблудших». Под первыми понимались идеологи, руководители и активные участники «Тайного общества». Вторые, как определялось, «вошли в общество, увлекаемые худо понятою любовью к Отечеству, суетностью, возбуждённым любопытством, родственными и приятельскими отношениями, легкомыслием и молодостью»¹². Реализация императорской идеи привела к тому, что из 570 персонажей «Алфавита» А.Д. Боровкова не были преданы Верховному уголовному суду или военным судам и освобождены 299 человек.

Данная тенденция, как представляется, обуславливалась прагматикой государственных интересов и базировалась на внешне- и внутривнутриполитических обоснованиях. Применительно к первым следует напомнить, что во второй половине 1820-х гг. ещё действовали важнейшие антиреволюционные решения конгрессов Священного союза о праве вмешательства союзных государств во внутренние дела субъекта Союза, в котором проявили себя антиправительственные выступления. Кроме того, идея национальной самобытности, выдвинутая Николаем I сразу после событий на Сенатской площади, требовала своего подтверждения. Следовало продемонстрировать Европе, что в России нет социально-политических условий для

масштабных политических движений. Надо было показать и отличие российских военных выступлений конца 1825 г. – начала 1826 г. в столице и на юге империи от европейских «военных революций». Именно с этим, вероятно, было связано сворачивание следствия по делам военной элиты, намеренное «демпфирование» всех обвинительных показаний по отношению к членам Государственного совета. Что касается внутривнутриполитических обоснований стремления Николая I к уменьшению масштабов политической конспирации и антиправительственных выступлений, то важнейшим из них было понимание императором конфликта между верховной властью и просвещённой элитой дворянского общества, его желание гармонизировать их взаимоотношения. При этом, с одной стороны, следственные материалы продемонстрировали монарху, что «Тайное общество» в своих политических устремлениях отражало мнение значительной части просвещённых современников, в связи с чем стала очевидна абсурдность и нереальность привлечения к следствию всех недовольных и стремившихся к преобразованиям людей. С другой стороны, необходимость усилить нарушенную связь между императорским домом и российской аристократией, сохранить лично преданных ему людей, обуславливала особую милость Николая I к представителям аристократической, военной и сановой элиты, «прикосновенным к делу»¹³.

В монографии К.Г. Боленко впервые в историографии проанализирован и такой сложный социальный феномен, как настроения и ожидания общества, связанные с судебными решениями по делу над декабристами. До создания Верховного уголовного суда амплитуда общественных (в том числе декабристских) настроений, связанных с решением участи подсудимых, оставалась, как показано в работе, достаточно широкой – от ожиданий массовых казней до всеобщего и полного помилования. Автор справедливо пишет, что это было обусловлено как неограниченностью судебных прерогатив самодержца, суровостью российских законов о государственных преступлениях, так и состоянием тогдашнего правосознания. Доминирующим же было общее упование

на «персональный монарший суд», с которым связывали надежды на помилование (с. 190–196). При этом российское общество, с мнением которого в конце 1825 г. – первой половине 1826 г. Николай I считался, мало размышляло о том, как должен быть организован судебный процесс, не предполагало создания Верховного уголовного суда и не оказало влияния ни на Николая I, ни на М.М. Сперанского. Это создавало уникальные возможности для организации судебного процесса практически с чистого листа, чем воспользовались Николай I и М.М. Сперанский, но каждый по-своему.

На основе анализа официальных материалов и источников личного происхождения в книге продемонстрирована эволюция позиции Николая I в отношении участия «государственных преступников». Автор последовательно и скрупулёзно раскрывает сложный путь, который прошёл император в своих поисках оптимальной судебной формы по делу декабристов: от первоначального отказа от судебного процесса и модели авторитарного решения судьбы подсудимых через идею полковых судов в 24 часа для «мятежников», покушавшихся на жизнь военачальников, к концепции Верховного уголовного суда. При этом Николай I видел в суде инструмент своей монаршей воли и символ декларируемой им идеи законности, рассматривал его не как постоянный орган российской судебной системы, а как чрезвычайное государственное учреждение, создание которого диктовалось особенностями политического момента (с. 220–244, 383).

Тонко и очень убедительно составлен в данной главе портрет М.М. Сперанского в один из самых сложных периодов его жизни и деятельности. При этом К.Г. Боленко, вопреки сложившейся историографической традиции о том, что эпизод с Верховным уголовным судом являлся случайным, не связанным ни с предшествующей, ни с последующей служебной карьерой реформатора, рассматривает участие Михаила Михайловича в суде над декабристами как важный этап его реформаторской и государственной деятельности. В данном контексте приведены веские аргументы в пользу той точки

зрения, что деятельность Сперанского по созданию Верховного уголовного суда 1826 г., «и как учреждения, и как судебного процесса», отнюдь не была ему навязана Николаем I. Напротив, она полностью соответствовала его программе реформирования высшей юстиции в России и находилась в тесной связи с задачами по созданию уголовного законодательства Российской империи. Сам же суд 1826 г. М.М. Сперанский связывал с высшими судебными процессами XVIII в. и рассматривал, с одной стороны, как практическую реализацию своих проектов 1809 и 1811 гг. и следующий шаг к отделению судебной власти от исполнительной путём институционализации Верховного уголовного суда, а с другой – как юридический прецедент для будущей кодификации законов (с. 247–253, 257, 270–271, 273, 383).

Оригинальностью отличается и третья глава «Верховный уголовный суд в реформаторских проектах, законодательстве и правовой практике второй четверти XIX века». В ней проведён анализ деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. в контексте вопроса о введении в России Верховного уголовного суда в рамках реформирования высших государственных учреждений, а также рассмотрен вопрос о времени и полноте его институционализации. Автор делает правомерный вывод, что законодательное оформление суд получил в «Своде законов Российской империи» 1832 г., когда юридически был утверждён высшей судебной инстанцией империи и стал полноправной частью российских судебных учреждений. В главе также выявлены важнейшие причины, способствовавшие приостановке дальнейшей институционализации Верховного уголовного суда и подготовившие почву для его будущей «маргинализации» в системе судебных институтов. Среди них – склонность со стороны Николая I к внесудебным репрессиям и военному суду, общая милитаризация следственного и судебного процессов по уголовным делам, громоздкость Верховного уголовного суда, отсутствие его связи с другими судебными органами. Кроме того, в работе ярко продемонстрировано, как общественные воззрения на законность, суд и место мо-

нарха в уголовном процессе, постепенно прогрессирующие на протяжении второй четверти XIX в., входили во всё более острое противоречие с официальными консервативными взглядами на судебные прерогативы самодержавного монарха. При этом политическая реальность, когда дела о государственных преступлениях стали едва ли не рутинными, способствовала фактической замене Верховного уголовного суда на более надёжные судебные инструменты: Особое присутствие Правительствующего Сената и военно-судные учреждения (с. 319–376).

Вместе с тем необходимо отметить некоторые недостатки монографии. Несмотря на то что научная ценность проведённого автором лексикологического анализа о времени и обстоятельствах появления в русском юридическом языке термина «уголовный», семантических особенностях понятия «Верховный уголовный суд» не подлежит сомнению, имело бы смысл более чётко сформулировать выводы по данному параграфу и связать их с последующей историей Верховного уголовного суда. Серьёзной лакуной выглядит недостаточное внимание К.Г. Боленко к иностранным источникам проектов Верховного уголовного суда и иностранным аналогам этого учреждения. Несколько страниц, посвящённых конституционным актам Франции и некоторых германских государств скорее демонстрируют полную неизученность проблемы, нежели решают её. Схематично представлена эволюция правительственной политики по отношению к преступлениям высших должностных лиц во второй половине XVIII – середине XIX в.

В целом же, рецензируемая монография является свидетельством тех позитивных перемен, которые происходят в современной отечественной исторической науке. Это расширение проблематики исследований, внимание к недостаточно изученным, либо односторонне трактуемым темам, непредвзятость оценок, выходящих за рамки существующих традиций и пересматривающих прежние представления, широкий кругозор, основывающийся на глубоком знании источников и литературы.

Т.В. Андреева

Примечания

¹ Корнева Н.М. Верховный уголовный суд в России в XIX – начале XX в. // Вопросы архивоведения и истории государственных учреждений / ЦГИА СССР. Л., 1989. С. 113–129 (Рукопись депонирована в СМФ ОЦНТИ ВНИИДАД по документоведению и архивному делу 22 января 1991 г., № 086-91).

² Ефремова Н.Н. Судостроительство Российской империи в XVIII – первой половине XIX века: Учебное пособие. М., 1996; Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 2. М., 2003. С. 396–397; Т. 3. М., 2003. С. 368–370; Ланская С.В. Российские судебные реформы XVIII–XX века. Учебное пособие. Калининград, 2003. С. 85; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. К 75-летию Историко-архивного института. М., 2006. С. 147–148.

³ См. об этом: Боленко К.Г., Самаров Н.В. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7. М., 2001. С. 143–170.

⁴ Севастьянов Ф.Л. Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. VI. СПб., 2004. С. 308–333; Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощённые, оправданные и обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов. М., 2010.

⁵ Кодан С.В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 243–244; Слободянюк И.П. Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М., 2005; она же. Верховный уголовный суд над декабристами. М., 2005.

⁶ Предполагалось, что императору не следует вмешиваться в уголовный процесс, он должен только утверждать приговор и пользоваться правом помилования. См.: Приложение к биографии князя Безбородко. Записка князя Безбородко о потребностях Империи Российской // Русский архив. 1877. № 3. С. 297–300.

⁷ Государственная Уставная грамота Российской империи // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 411–453.

⁸ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 524–527.

⁹ Записка Н.А. Жеребцова «Об устройстве министерств вообще и Министерства финансов в особенности» (15 февраля 1856 г.) / Публ. Т.В. Андреевой и Б.Б. Дубенцова // *Английская набережная*, 4. Сборник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 4. СПб., 2004. С. 351–271.

¹⁰ *Эдельман О.В.* Указ. соч. С. 62.

¹¹ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М., 2004. С. 353, 394–396.

¹² Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // *Русская старина*. 1898. Т. 96. № 11. С. 350.

¹³ *Андреева Т.В.* Указ. соч. С. 654–708.
